

УДК 34.01

*Л.А. Шестакова**

КОНЦЕПЦИЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ КАК ОСНОВА ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

В статье рассматривается философская концепция восстановительного правосудия, которая с 70-х годов XX века определяет направления развития ювенальной юстиции России и зарубежных странах. Автор статьи излагает философские основания концепции восстановительного правосудия, показывает их проявления в уголовно-процессуальном законодательстве стран дальнего и ближнего зарубежья.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, восстановительное правосудие, медиация, ювенальная юстиция.

Принцип историзма требует рассматривать всякое явление в его развитии: зарождении, становлении и отмирании. На становление концепции правосудия по делам несовершеннолетних повлияли философские и научные концепции XIX и XX века. Представляется верным утверждение о том, что особая система правосудия по делам несовершеннолетних включила в себя абсолютно новые идеи и подходы к несовершеннолетним преступникам, однако она объединила в себе и многие плодотворные идеи и практики предшествующих концепций-парадигм, в частности парадигмы индивидуализации обращения с правонарушителем, карательной и восстановительной парадигмы. Э.Б. Мельникова отмечает, что как самостоятельную философскую доктрину доктрину ювенального правосудия никто специально не разрабатывал, импульсы к ее созданию шли от практики работы судов по делам о несовершеннолетних. О философии ювенального правосудия можно говорить как о своеобразной идеологии защиты прав и свобод несовершеннолетних в обществе. И здесь должны фигурировать такие общеправовые категории, как гуманизм, свобода личности, индивидуализация познания личности и механизма поведения человека. Гуманизм как основная черта этой концепции проявляется: в повышенной юридической защите прав несовершеннолетних в рамках правосудия; милосердии к несовершеннолетнему в силу его возраста; в соответствующем приоритете воспитания над наказанием и исключением кары (возмездия); в поиске возможностей примирения; раннем предупреждении правонарушений несовершеннолетних; поиске общественных (общинных) форм перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей в рамках функционирования системы ювенальной юстиции. В свою очередь, свобода личности несовершеннолетних также диктует многие изменения: процессуальной формы в судах для несовершеннолетних; способов взаимодействия судьи с несовершеннолетним; требований к личности и профессиональной и иной подготовке судьи. Индивидуализация познания фактов и личности несовершеннолетнего, в свою очередь, создает специфическую научную правовую базу правосудия для несовершеннолетних как судебной подсистемы, функционирующей между судебной властью и гражданским обществом.

* © Шестакова Л.А., 2016

Шестакова Любовь Александровна (lyuboshestakova@yandex.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Поэтому именно здесь требуется участие населения в отправлении правосудия и привлечение для познания истины значительного объема специальных неюридических знаний [1, с. 29–30].

Облик и содержание моделей ювенальной юстиции разных стран в начале XXI века определяет концепция (парадигма) восстановительного правосудия. В процессуальной литературе восстановительное правосудие определяется как учение о способах реагирования на противоправные деяния, в основе которых лежит идея о необходимости примирения сторон конфликта, возникающего в результате противоправного деяния, с целью восстановления нормального порядка, существовавшего до совершения деяния, удовлетворения интересов стороны, которой деянием причинен вред, а также исправления и ресоциализации лица, совершившего деяние. Концепция восстановительного правосудия получила научную и общественную поддержку в начале восьмидесятых годов XX века. К. Дали и Р. Иммерижеон, которые анализировали становление восстановительного правосудия в западноевропейских странах, рассматривали множество факторов, приведших в совокупности к новой практике, и выделяли три линии его формирования: 1) социальные движения 60-х годов; 2) программы и экспериментальные практики в области реагирования на правонарушения и 3) научные исследования и теории. Можно назвать следующие программы, социальные движения и восстановительные инициативы, которые появились в США, Канаде и ряде других государств с 70-х годов XX столетия: 1) «Права заключенных и альтернативы тюремному заключению» (Prisoners Rights and Alternatives to Prisons): сторонники данного движения рассматривали преступление как последствие «социального равнодушия, обнищания местных сообществ, расовой и гендерной дискриминации» и, как следствие, предлагали минимизировать случаи лишения свободы; 2) «Разрешение конфликтов» (Conflict Resolution): данная инициатива, возникшая в 70-е годы XX века, была связана с разочарованием общества в эффективности уголовного судопроизводства и выразилась в развитии советов общественного правосудия и центров правосудия соседских общин, деятельность которых должна была характеризоваться большим гражданским участием и менее формализованным процессом; 3) «Программы примирения жертвы и правонарушителя» (Victim-Offender Reconciliation Programs): данные программы были впервые представлены в Канаде в 1974 г. и в США в 1977 г. Они были направлены на организацию встреч лица, совершившего деяние, и лица, которому деянием был причинен вред, как правило, перед вынесением приговора в присутствии нейтральной третьей стороны. Данное направление в развитии восстановительного подхода было тесно связано с религиозными принципами и институтами; 4) «Медиация жертвы и правонарушителя» (Victim-Offender Mediation): данная программа тесно связана с рассмотренной выше программой примирения. Особенностью является возможность участия во встречах не только сторон конфликта, но и иных заинтересованных лиц. Программы медиации начали осуществляться в Великобритании, Скандинавии и других странах Западной Европы в конце 70-х и 80-х годах, в первую очередь в сфере ювенальной юстиции; 5) «Защита жертв правонарушений» (Victim Advocacy): данное социальное движение пыталось заострить внимание общества и государства на правах лиц, которым преступлением причиняется вред. В рамках развития данного движения его активистами стали высказываться идеи о необходимости реформирования системы уголовного судопроизводства, в том числе и с позиций примирения сторон уголовного конфликта; 6) «Семейные конференции» (Family Group Conferenes): данный способ реализации восстановительного подхода возник в Новой Зеландии и получил распространение в Австралии, где впервые был представлен в 1991 г. Семейные конференции в отличие от программ примирения и медиации вовлекают в обсуждение преступления большее число членов общества, признают более широкий круг пострадавших от преступления

и делают акцент на участии представителей семьи правонарушителей; 7) «Круги правосудия» (Sentencing Circles): впервые появились в Канаде в 80-х годах как часть политики индейских общин по отношению к своим преступникам. Основной целью данного способа реализации восстановительного подхода является достижение консенсуса с привлечением в рамках данного процесса лиц, пострадавших от преступлений, их семей, членов семей и друзей лица, совершившего деяние, и членов местного сообщества; 8) Общественный совет восстановительного правосудия (Community Reparative Boards) является современной версией значительно более старшей и широко распространенной реакции общества на преступность несовершеннолетних, более известной как «общественный совет по выведению несовершеннолетнего правонарушителя из системы уголовных судов для совершеннолетних». Эти советы использовались в Соединенных Штатах с 1920-х, а их современные копии, общественные советы восстановительного правосудия, используются с середины 1990-ых, прежде всего в отношении взрослых преступников признавших вину в ненасильственных преступлениях небольшой тяжести. Позже эта программа распространилась и на несовершеннолетних преступников [2, с. 50–51]. Следует подчеркнуть, что на уровне национального права восстановительная модель принимает различные формы. Одним из самых характерных и распространенных элементов этой модели является институт посредничества или медиации. В этой связи отметим, что в литературе освещаются различные подходы к определению термина «медиация». Так, В.О. Аболонин выделяет три подхода. При «собирательном» подходе медиация рассматривается как максимально широкое «собирательное понятие», включающее в себя все (возможные варианты примирительных процедур с участием посредника, от любых форм не прямых переговоров в политических конфликтах и войнах до любых форм школьного, семейного, бытового примирения). При «рамочном» подходе медиация рассматривается как «рамочное понятие», объединяющее в себе некоторые виды процедур, проводимых с участием третьего независимого лица, не обладающего властным полномочием на разрешение спора в большинстве случаев по гражданским, семейным и коммерческим спорам, исключая процедуры примирения в политических и ряде других конфликтов. При «чистом» подходе медиация понимается как особая процедура, схожая с другими видами посредничества (такими как модерация, консилиация и т. д.), но имеющая ряд особенностей, главным образом связанных с пониманием роли медиатора, техниками, используемыми в процедуре, и особенностей реализации базовых принципов, положенных в основу медиации. При данном подходе определение медиации становится более сложным и включает в себя, помимо ее общего стандартного описания как «процедуры с участием посредника, не обладающего властным полномочием по разрешению спора и содействующего сторонам в поиске решения», ряд дополнительных критериев, которыми могут быть «взаимовыгодность достигнутого решения», «наличие у посредника специального образования, познаний и навыков по урегулированию конфликтов», «выработка решения на основе интересов сторон» (т. е. итоговое решение должно быть достигнуто в рамках особой кооперативной стратегии, которая в англоязычной литературе называется «win-win», т. е. такой вариант решения, при котором выигрывают обе стороны) [3, с. 39–41]. В зарубежной практике медиативные процедуры используются весьма активно как раз в рамках ювенального производства и призваны обеспечить решение задач по вторичной превенции несовершеннолетнего правонарушителя. К настоящему времени восстановительное правосудие, помимо медиации, имеет в своем арсенале значительное число процедур: посредничество преступника и жертвы (VOM), семейные конференции (FGC), круги правосудия, восстановительные конференции (RC), общественный совет восстановительного правосудия (CRB), круги правосудия (SC) и др. [4, с. 337].

В зарубежной литературе отмечается, что восстановительное правосудие не является ни карающим, ни снисходительным и тем самым противостоит как «карательному», так и «медицинскому» (реабилитационному) подходам. «Чисто» реабилитационная модель нацелена на обеспечение «благополучия» подростка, попавшего в орбиту уголовного процесса, списывая противоправное деяние на тяжелые жизненные условия и личностные проблемы нарушителя, игнорирует то принципиальное обстоятельство, что он нанес вред другому человеку. Развиваясь в борьбе с карательным подходом, реабилитационная модель дала очень много в плане разработки альтернатив наказанию, но в каком-то смысле подошла к своему пределу. Смеем утверждать, что именно восстановительное правосудие стало действительно новой, задающей горизонт ювенальной юстиции парадигмой (одной или несколькими теориями, получившими всеобщее признание и в течение какого-то времени направляющими научное исследование). Представляется, что использованный термин парадигма, имеющий глубокое философское обоснование, при освещении вопроса о содержании восстановительного правосудия должен быть раскрыт более подробно. Как известно, ежедневное, рутинное познание ученые осуществляют в рамках так называемой нормальной науки. Данный термин, введенный в научный оборот Т. Куном, выступает как надежный инструмент решения научных проблем. Но иногда оказывается, что отдельные задачи (например, снижение преступного рецидивизма, учет потребностей жертвы и преступника и т. п.), несмотря на все усилия общества, так и не поддаются решению. Сначала на это не обращают особого внимания. Но со временем становится очевидным, что средствами существующей парадигмы эта проблема просто не может быть решена. Те вопросы, которые парадигма принципиально не может решить, Т. Кун называл аномалиями. По мере накопления аномалий доверие к существующей парадигме падает и наступает состояние, которое называется кризисом. Период кризиса заканчивается, когда одна из предложенных гипотез доказывает свою способность справиться с существующими проблемами и благодаря этому привлекает на свою сторону большую часть ученых [5, с. 106–122]. Именно об этом говорил известный философ П. Фейерабенд, отмечая, что научный прогресс возможен благодаря взаимной критике несовместимых теорий перед лицом имеющихся фактов. Как раз поэтому в своей научной работе ученые должны руководствоваться методологическим принципом «пролиферации», ориентирующим на создание теорий, альтернативных существующим, даже если эти последние в высокой степени подтверждены и являются общепризнанными [6]. Как представляется, современный этап развития науки уголовного процесса, используя терминологию Т. Куна, можно назвать методологическим кризисом. В этой связи нельзя исключать, что не более чем через несколько десятилетий этот этап приведет к научной революции, в результате которой установится новая аналитическая парадигма – парадигма восстановительного правосудия, несущая в себе ранее не достижимые ценности и идеалы.

Отметим, что базу концепции восстановительного правосудия составила теория воссоединяющего стыда Дж. Брейтуэйта. Автор задался целью разработать криминологическую концепцию, позволяющую эффективно прогнозировать рост преступности и способствовать выработке механизмов для уменьшения числа совершаемых преступлений, что не удавалось сделать уже существующим теориям, из-за их неуниверсальности (речь идет о таких теориях, как, например, теория ярлыков, субкультур, контроля, возможностей, обучения). Внушение чувства стыда по воссоединяющей модели (внушение чувства воссоединяющего стыда) предполагает, что за общественным порицанием следуют попытки реинтегрировать правонарушителя в общину законопослушных граждан посредством церемоний прощения или снятия девиантного обозначения. Внушение чувства стыда и воссоединение с общиной происходят не одновременно, но последовательно; причем воссоединение осуществляется до того, как девиантность успевает приобрести характер основного статуса человека. Происхо-

дит такое внушение чувства стыда, в рамках которого клеймят порочность поступка, но не личность самого преступника как не внушающую какого-либо порицания по своей сути. Внушение чувства стыда за преступное поведение дополняется постоянным вознаграждением за иные поведенческие примеры. Внушение чувства стыда не обязательно будет слабым, оно может носить жесткий и даже жестокий характер. Отметим, однако, что не мощь отличает его от клеймения, а, во-первых, имеющие вполне определенный предел проявления порицания, завершающиеся прощением, и, во-вторых, попытки сохранить узы любви или уважения. Внушение чувства стыда, носящее клеймящий характер, наоборот, увеличивает привлекательность субкультур, поскольку предоставляет возможность отвержения отвергающих. Участие в субкультурных группах, как известно, обеспечивает преступными ролевыми моделями, возможностью обучения технике совершения преступления, приемами нейтрализации или иными формами социальной поддержки, делающими выбор в пользу преступления более привлекательным. В сравнении с обществами, где развиты механизмы внушения чувства воссоединяющего стыда, общества, где широко применяется клеймение, будут отличаться более высоким уровнем преступности», — пишет автор [7, с. 152–154].

Специфика современных условий жизни, обусловившая необходимость применения восстановительных технологий при расследовании и рассмотрении в суде преступлений, детально рассмотрена в литературе. Известный социолог и криминолог Нильс Кристи утверждает, что в условиях урбанизации люди перестали понимать мотивы поведения других людей, они видят в соседе только соседа, в сослуживце только сослуживца и не более. Когда вокруг нас столько людей, когда количество информации друг о друге ограничено, у людей имеются только ограниченные возможности для понимания поведения других людей. В некоторых районах городов обстановка так накалилась, что «туда можно ездить только на танке» [8, с. 21]. Другой серьезной проблемой, о которой говорит автор, является проблема монополизации решения конфликтов профессионалами — государственными служащими или юристами. В современном обществе борьба с преступностью с помощью установленных процедур и средств стала индустрией. В самом деле: миллионы людей работают в полиции, суде, тюрьмах. Миллионам людей эти учреждения предоставляют прямо или косвенно рабочие места. Н. Кристи приводит статистику о количестве лиц, работающих в индустрии «борьбы с преступностью» в США в 1999 г. По прошествии определенного времени эти данные остаются актуальными. «В 3400 местных тюрьмах США работает более 100 000 человек. В прошлом году в них было вложено более 65 миллиардов долларов. Рынок огромен! Тюрьмы — это большой бизнес. В 1999 году в США было 139,2 миллиона работающих. Получается, что в индустрии контроля над преступностью занято 4 процента от всей рабочей силы страны» [9, с. 113]. Получается, что миллионы людей заинтересованы, как бы парадоксально это ни звучало, в том, чтобы уровень преступности не снижался. На эту цель и сориентирована современная система правосудия многих стран. Вот как об этой проблеме пишет Х. Зер: «Когда происходит преступление (независимо от того, выявлен ли преступник), первыми вопросами должны быть “кто пострадал?”, “какой вред причинен человеку?”, “в чем он нуждается?”. Такой подход, конечно, далек от подхода карательного правосудия, которое начинается с вопросов “кто виноват?”, “как его следует наказать?” — и редко переходит к другим вопросам. <...> Пострадавшим хочется, чтобы их выслушали. Им следует предоставить возможность рассказать о случившемся, выразить свои чувства, возможно, даже не один раз. Им необходимо высказать свою правду. Пострадавшие нуждаются в подтверждении того, что они не заслужили причиненное им зло, они хотят услышать это от других. Им также важно знать, что были приняты меры по исправлению этого зла и предотвращению его повторения. Пострадавшим также необходимо вернуть уверенность в себе. Правосудие не должно

вершиться для них, но без них». Противопоставляя существующие модели правосудия (называя их карательными) восстановительному правосудию, Х. Зер пишет, что главной целью восстановительного (альтернативного) правосудия является не воздаяние, а восстановление состояния сторон до преступления. Конечно, нельзя гарантировать полное восстановление, но подлинное правосудие должно поставить себе целью создание условий, в которых этот процесс мог бы начаться. Первоочередной целью правосудия должно быть возмещение ущерба и исцеление пострадавших. В этой связи автор отмечает: «Говоря об исцелении, мы вовсе не имеем в виду, что им следует забывать или преуменьшать размеры насилия. Жертва насилия должна снова почувствовать, что находится в безопасности и управляет своей судьбой, что жизнь имеет смысл. Точно так же и преступника следует побуждать к новому самоощущению: он или она должны обрести свободу начать жизнь заново». Следующей по важности задачей правосудия, как считают авторы концепции, должно стать исцеление отношений между пострадавшим и преступником. Речь идет о примирении. Как отмечает Х. Зер, опыт работы примирительных конференций подтверждает возможность установления таких отношений. Однако было бы наивным во всех без исключения случаях ожидать подобного результата. В одних делах достичь примирения в принципе невозможно, в других можно добиться лишь удовлетворительных взаимоотношений, но без настоящей близости или полного доверия. Х. Зер в своей книге отмечает, что он участвовал в таких встречах восстановительного правосудия, которые, на первый взгляд, были малоуспешными в достижении примирения. В результате встреч пострадавшие и преступники не меняли своего враждебного отношения друг к другу. Однако сам характер враждебности претерпевал серьезные изменения. В их сознании уже не маячила абстрактная фигура, некий стереотип пострадавшего или преступника, теперь их ненависть была направлена на конкретного человека. И даже такое изменение можно расценивать как позитивное. Автор концепции восстановительного правосудия отмечает, что «правосудие должно “проживать”, а не только “пассивно претерпеваться”. Когда объявляют, что правосудие свершилось и пора идти домой (пострадавшим) или в тюрьму (преступникам), мы не ощущаем это как прожитый опыт правосудия. Правосудие же, которое мы действительно проживаем, которое становится нашим актуальным опытом, — не всегда приятное испытание, но мы знаем, что оно свершилось при нашем участии, мы не были его пассивными объектами. Необходимо, чтобы в суде не просто состоялось правосудие, но и опыт участия в нем. Посредничество между пострадавшим и преступником является таким подходом к правосудию, который удовлетворяет приведенным выше требованиям» [10, с. 218–240]

Итак, концепция восстановительного правосудия стала активно внедряться в правоприменительную практику различных государств потому, что она вызвана к жизни реалиями современного общества. Увеличение числа и плотности населения исключает использование положений уголовного процесса, скажем, начала XX в. Современные государства уже не могут себе позволить ссылать большое количество людей для отбывания наказания в отдаленные части страны, а возможности применения смертной казни в наши дни сильно ограничены. Большинство преступников, отбывающих наказание, выйдут на свободу и будут транслировать те ценности, которые они усвоили, находясь в местах лишения свободы. Когда заключенных по всему миру миллионы, уже нельзя закрыть глаза на фактически не разрешенные уголовные конфликты между жертвой и преступником. В этой связи становится насущно необходимым внедрять социальные и психологические методы работы с жертвой преступления и ее обидчиком. Имеются основания заключить, что восстановительное правосудие способно также привнести представление о справедливости общества в уголовный процесс, тем самым сделав его более легитимным в глазах населения. Как писал еще в

середине XIX в. Д. Стифен: «Нельзя упускать из виду, что для целей правосудия важно не только то, чтобы приговоры по уголовным делам были справедливы, но и то, чтобы они казались обществу справедливыми <...> Отправление уголовного правосудия есть самая обыкновенная и самая торжественная форма, в которой верховная власть государства заявляет себя огромному большинству своих подданных» [11, с. 17–18].

В завершение рассмотрения концепции восстановительной юстиции как фундаментальной гуманистической идеи в области правосудия XXI века представляется необходимым определиться с соотношением понятий «ювенальная юстиция» и «восстановительное правосудие». Выделение особого ювенального правосудия явилось признанием того, что у несовершеннолетних правонарушителей существуют особые проблемы, которые лучше всего могут быть решены другой системой, чем та, которая применяется к совершеннолетним правонарушителям. Целью системы ювенальной юстиции является не наказание молодых людей, а скорее проведение с ними индивидуализированного воспитания. Поскольку ресоциализация несовершеннолетних правонарушителей и их активное привлечение к устранению последствий их преступного поведения является неотъемлемой частью ювенальной юстиции, то этот аспект зачастую становится предпосылкой для возникновения восстановительного правосудия. Немаловажным здесь также является и то, что несовершеннолетние в силу своей ограниченной правосубъектности всегда нуждались в особых усиленных процессуальных гарантиях защиты их законных прав и интересов. Это обстоятельство постоянно стимулировало государства к применению экспериментальной практики, лишенной формализованности официального судопроизводства и как можно более приближенной к несовершеннолетнему.

Библиографический список

1. Мельникова Э.Б., Карнозова Л.М. Ювенальная юстиция – охранительная и восстановительная: учебное пособие. М.: Проспект, 2002. 144 с.
2. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2012. 262 с.
3. Аболонин В.О. Три подхода к пониманию медиации // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 10. С. 39–41.
4. Choi J.J., Green L.D., Gilbert M.J. Putting a Human Face on Crimes: A Qualitative Study on Restorative Justice Processes for Youths Child and Adolescent // Social Work Journal. 2011. Vol. 28. Is. 5. P. 335–355.
5. Кун Т. Структура научных революций. М.: Мир, 1975. 198 с.
6. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
7. Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд, воссоединение. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 310 с.
8. Кристи Н. Плотность общества. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001. 140 с.
9. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГу западного образца. М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. 224 с.
10. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 324 с.
11. Стифен Д. Уголовное судопроизводство вообще, английское в особенности, изложенное сравнительно с шотландским и французским. Пг.: Типография Кукол-Ясноводского, 1856. 83 с.

References

1. Melnikova E.B., Karnozova L.M. Iuvenal'naia iustitsiia - okhranitel'naia i vosstanovitel'naia. Uchebnoe posobie [Juvenile justice - security and replacement. Textbook]. M.: Prospekt, 2002, 144 p. [in Russian].
2. Harutyunyan A.A. *Mediatsiia v ugovnom protsesse. Diss. k.iu.n.: 12.00.09* [Mediation in criminal proceedings. Candidate's of Law thesis: 12.00.09]. M., 2012, 262 p. [in Russian].
3. Abolonin V.O. Tri podkhoda k ponimaniu mediatsii [Three approaches to the understanding of mediation]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* [Arbitrazh and civil procedure], 2011, no. 10, pp. 39–41 [in Russian].
4. Choi J.J., Green L.D., Gilbert M.J. Putting a Human Face on Crimes: A Qualitative Study on Restorative Justice Processes for Youths Child and Adolescent. *Social Work Journal*, 2011, Vol. 28, Issue 5, pp. 335–355 [in English].
5. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revoliutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. M.: Mir, 1975, 198 p. [in Russian].
6. Feyerabend P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected works on the methodology of science]. M.: Progress, 1986, 542 p. [in Russian].
7. Braithwaite J. Prestuplenie, styd, vossoedinenie [The crime, the shame, the reunion]. M.: Tsentri «Sudebno-pravovaia reforma», 2002, 310 p. [in Russian].
8. Christie N. Plotnost' obshchestva [Density of the Society]. M.: Tsentri sodeistviia reforme ugovnogo pravosudiia, 2001, 140 p. [in Russian].
9. Christie N. Bor'ba s prestupnost'iu kak industriia. Vpered, k Gulagu zapadnogo obraztsa [Crime Control as Industry. Towards GULAGs, Western Style?]. M.: ROO «Tsentri sodeistviia reforme ugovnogo pravosudiia», 2001, 224 p. [in Russian].
10. Zehr H. Vosstanovitel'noe pravosudie: novyi vzgliad na prestuplenie i nakazanie [Restorative justice: a new focus for crime and justice]. M.: MOO Tsentri «Sudebno-pravovaia reforma», 2002, 324 p. [in Russian].
11. Stephen D. Ugolovnoe sudoproizvodstvo voobshche, angliiskoe v osobennosti, izlozhennoe sravnitel'no s shotlandskim i frantsuzskim [Criminal proceedings in general, the British in particular, stated relatively with Scottish and French]. Petersburg: Tipografiia Kukol-Iasnovodskogo, 1856, 83 p. [in Russian].

*L.A. Shestakova**

CONCEPT OF RESTORATIVE JUSTICE AS THE BASIS OF JUVENILE JUSTICE

The article discusses the philosophical concept of restorative justice, which from the 70-ies of the XX century, defines the direction of the juvenile justice system in Russia and foreign countries. The author represents the philosophical foundations of the concept of restorative justice and their manifestation in the criminal legislation of the countries of the neighboring countries and beyond.

Key words: criminal justice, restorative justice, mediation, juvenile justice.

* *Shestakova Lyubov Alexandrovna* (lyuboshestakova@yandex.ru), Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.